

DOI 10.18522/2415-8852-2024-2-20-61

УДК 93-94 (47)

«БАБИЙ МУНДИР»: РУССКИЙ НАРЯД КОРМИЛИЦ В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА

Мария Войтовна Лескинен

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук
(Москва, Россия)

e-mail: marles70@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7638-507X

Аннотация. В статье рассмотрены черты и элементы костюма кормилиц как особой «профессиональной» группы в Российской империи в XIX – начале XX в. Они выявлены на основании визуальных, нарративных и литературных источников. Наряд кормилиц создавался на основе великорусского праздничного женского костюма центрального региона и Русского Севера, репрезентируя образ типично-русской традиционной одежды в том виде, в каком он понимался в русской культуре высших слоев. В историографии не сложилось однозначного и хорошо аргументированного объяснения времени, истоков и причин конструирования данного условно-русского одеяния (существующие гипотезы освещены). Одно из предположений связывает его происхождение с созданием стилизованного и богато украшенного наряда кормилицы императорских детей, который задействовал некоторые элементы великорусского «сарафанного комплекса», однако не являлся точным воспроизведением аутентичного крестьянского одеяния какого-либо великорусского региона. В статье показано, что создание условно-«народного» наряда для кормилиц – притом не только королевских / царских детей – имело место и в других европейских странах в период нациестроительства и было частью процесса формирования национальной идентичности, в том числе и в сфере костюмной образности. Общим было стремление сконструировать национальный костюм на основе народного / крестьянского, характерного для выбранного региона, чтобы подчеркнуть корни и традиции новой идеологии патриотизма, концепции этнокультурного типа (нациообразующего этноса) и национального характера монархий. Эти же тенденции отмечаются и в конструировании других видов униформы, инициатива создания которых исходила непосредственно из имперских / королевских дворов Европы (в частности, придворных и военных мундиров). В определенной мере «униформу» кормилиц можно считать примером проявления «изобретения традиции» в сфере официального национализма.

Ключевые слова: Российская империя, русскость, национальный костюм, кормилицы, национальная идентичность, визуализация русскости

Одежда, отражающая сословный, социокультурный, половозрастной, профессиональный статус человека, его происхождение и место проживания, является той областью материальной культуры, в которой проявляется система ценностей, социальная иерархия, идеология, доктрины потребления, концепции телесного и пр. Одежда является одним из важнейших источников, позволяющих реконструировать визуальные воплощения идентичности, на определенном историческом этапе – национальной. Традиционный «народный» костюм конкретного региона преобразуется в национальный, когда либо выбирается в качестве репрезентативно-адекватного, общего для государствообразующей нации, либо создается искусственно, но с использованием отдельных аутентичных элементов, что позволяет приписать ему черты и особенности национально-типичного. Речь идет прежде всего о некоторых видах одежды и костюмных комплексах, которые постепенно, в процессе изучения и анализа областных, сословных и исторических вариантов, не просто начинают рассматриваться как оригинально-культурные и исторически уникальные, но в ходе европейского нациестроительства обретают статус национального костюма [Ribeiro: 15–25; Maxwell: 2–4]. Под ним принято понимать как комплекс видов одежды (включая головные уборы), по типу, декору, фасону и пр. схожих с традиционными, так

и акцентированное выделение некоторых компонентов такого наряда, которые репрезентируются в качестве атрибутов-маркеров национальной принадлежности, являясь, однако, лишь элементами традиционного комплекта. В отличие от народной одежды, в которой всегда различаются повседневный, праздничный, обрядовый и ритуальный, а также сезонные и др. варианты [Богатырев: 310; Толстая 2004b: 523–525], костюм, именуемый национальным, не обладает версиями функционального характера, поскольку не предполагает постоянного использования во всех ситуациях повседневной жизни.

Процесс формирования представлений о национальном костюме в женском и мужском вариантах в XIX столетии, в период нациестроительства в Европе, проходил несколько стадий. Сначала его образцы обнаруживались благодаря историческим и этнографическим изысканиям, описывались в литературе путешествий (в этом процессе значима роль иностранных авторов), включаясь в процесс романтизации собственного прошлого. Затем этот интерес получал институциональное закрепление – научные исследования подтверждали и актуализировали историческую (обращенную в древность) и этнографическую (соотносимую с идеей о сохранении современным крестьянством и социальными низами старинных традиций, в частности одежды, в неизменности) значимость данной группы в истории куль-

туры или государственности. Позже возникла мода на отдельные элементы такого костюма – в среде знати. И лишь потом, под влиянием патриотических настроений и идей, обосновывалась концепция такого костюма, которая провозглашалась типичной для целой (национальной) внесловной общности, зримо воплощая этнокультурное своеобразие, гарантирующее узнаваемость данного костюма. Этот вариант, как правило, не воспроизводил образцовый – т. е. конкретный сословный и исторически аутентичный образ, но сохранял некоторые его особенности или элементы – не конструктивные, а прежде всего декоративные. Одним из наиболее типичных атрибутов, менее всего изменявшимся в ходе этого процесса, чаще всего являлся головной убор. Многонациональные европейские империи проходили отмеченные этапы несколько более сложно, поскольку в таком случае выбор типичной группы и ее костюма зависел от положения этнокультурных групп и статуса регионов, и политические факторы в этом выборе играли большую роль (подр. см.: [Maxwell: 1-8]).

В исследовании А. Фюлемиле о конструировании национального костюма в XIX в. подчеркивается: «Европейские национальные костюмы ... можно схематично разделить на два основных типа: с одной стороны, возвращались исторические традиционные этнические фасоны более ранних периодов; с другой – создавались новые романтические

костюмы, воспринимавшиеся как национальные. В процессе их соединения черты современной моды сочетались с устаревшими формальными элементами исторических и крестьянских народных костюмов» [Фюлемиле: 32]. Кроме того, во второй половине XIX в. символическим национальным становится в основном женский костюм (как правило, праздничный) – хотя его вариации в традиционной культуре всегда более значительны, чем мужского [Maxwell:159-169]. Некоторые склонны объяснять это разницей социально-гендерных ролей; женщина ассоциировалась с домашним очагом, сохранением традиций и обычаев и не могла влиять ни на историю, ни на политику, ни на общественную жизнь. Женщинам особенно часто приходилось нести «бремя» этнонациональной репрезентации, поскольку они рассматривались как символические носители идентичности и чести коллектива, более устойчивые к внешним влияниям [Yuval-Davis, Anthias: 9].

Эти тенденции отчетливо заметны в процессе конструирования идеи и образа национального костюма в русской культуре XIX в. В российских научных исследованиях начиная с середины XIX столетия велись споры о выборе наиболее характерного этнокультурного и антропологического типа великорусов, который воплощал и великорусский этнический тип, и русский национальный [Лескинен: 453-573]. И, поскольку воплощением

типа стали считаться жители центрально-великорусского региона (великорусского ядра), а также Русского Севера, то эти два региональных варианта великорусской материальной культуры, традиций, фольклора расценивались наблюдателями и исследователями как характерные и традиционные, сохраняющие формы доимперского периода русской истории. Параллельно шел и другой процесс: различные виды крестьянской женской одежды (повседневной и праздничной), распространенные в великорусских губерниях в многочисленных вариациях, стали рассматриваться как национально типично-русские.

Такая трактовка начинает появляться еще в екатерининские времена, а начиная с 1830-х гг., когда народные (крестьянские) традиции под воздействием идей романтизма обретают статус культурной ценности, костюм, как один из важных компонентов наследия, наряду с фольклором, языком и обрядностью, оказался предметом особого интереса тех, кто стремился к поискам национальной русскости. Специалисты по истории русского костюма отмечают многообразие характерных конструкций, кроя, цветовой гаммы и других форм великорусской одежды XVIII-XIX в. Оно проявлялось прежде всего в женском костюме, мужской был более однородным по составу элементов и фасонам, праздничный и повседневный различались не так основательно, как в женском, часто испытывая влияние одеж-

ды соседних народов на окраинах великорусского ареала [Маслова: 550]. Современные этнографы выделяют четыре комплекса женской одежды Европейской России, из которых два были распространены в средне-русской историко-культурной зоне: понёвный и сарафанный [Зими́на, Шангина: 63–64]. Первый, характерный прежде всего для белорусских и малорусских областей, бытовал также и в южных и юго-восточных великорусских регионах. Этот типично-славянский и самый древний комплекс включал понёву (женскую поясную одежду, сшитую, но чаще частично сшитую из трех и иногда более полотнищ ткани, собранных у пояса на шнур), рубаху, передник (завеску), нагрудник, кушак, кичкообразный головной убор [Маслова: 551–552, 621]. Так называемый сарафанный комплекс был типичен для северного, центрального, отчасти южно-великорусского регионов и для русских в Сибири; его также отличали вариации формы и фасона сарафанов и других элементов костюма. В состав «сарафанного комплекса» входили сарафан, рубаха, передник или нагрудная одежда (душегрея, шугай, епанча, безрукавка), а также пояс и кокошник или девичья повязка (коруна и пр.) [Мадлевская: 39–40]. Как известно, сарафан в послепетровское время не был исключительно крестьянским женским одеянием: его носили и горожанки – купчихи и мещанки. Исторически этот комплекс сформировался

довольно поздно, не ранее XIII в., под влиянием заимствований. Но начиная с XVIII в. именно сарафанный (т. е. вторичный по происхождению), а не понёвный, начинает восприниматься в качестве традиционной русской женской одежды, провозглашаясь исследователями, описателями и знатью основной типичного национального костюма. Из всех разновидностей великорусского сарафанного комплекса в качестве образца для женского «русского платья» был выбран в 1810-х - 1820-х гг. региональный тип (рубаха / сорочка с пышными рукавами до локтя – сарафан – кокошник – передник – пояс), который бытовал прежде всего у великорусов Севера и центрально-великорусских губерний. Именно в контексте этих процессов следует рассматривать вопрос о формировании специального костюма кормилиц. Наряду с «русским придворным» дамским платьем (введено по инициативе Николая I в 1834 г.) и приобретшими элементы великорусского мужского (крестьянского и исторического) костюма мундирами российских войск (введены указами Александра III в 1883 г.) одевание кормилиц также представляет собой характерный пример костюмных воплощений национальных образов в период их конструирования. Однако остается недостаточно изученным вопрос о том, в какой мере его появление было обязано официальному имперскому национализму, т. е. какую роль в этом сыграли

поиски русскости при Дворе. Изучая историю формирования представлений о великорусском костюме как национальном во второй половине XIX – начале XX в., нельзя обойти вниманием одежду этой сословно-«профессиональной» группы.

Крестьянки-кормилицы: традиция и / или мода

Облачение российских кормилиц в XIX в. являлось стилизованным женским великорусским крестьянским костюмом (сарафанным комплексом), состоявшем из белой рубахи с пышными рукавами, праздничного сарафана (чаще распашного косоклинного), который был декорирован кружевами, пуговицами или позументом, вышитого передника и богато украшенного жемчугом, золотым или серебряным шитьем атласного кокошника. Зимой поверх этого надевались шугаи из дорогой, часто парчовой, ткани и / или цветные платки [Хорошилова 2015: 196]. Непременным атрибутом наряда кормилиц являлись также крупные бусы, чаще из жемчуга или янтаря (оба были наиболее распространёнными и типичными женскими украшениями в великорусских губерниях начиная с XVII в., причем во всех сословиях). Наряд имел, как правило, два варианта: праздничный (парадный) и повседневный (домашний). Несмотря на обобщенно-ус-

ловные элементы, он был более приближен к оригиналу – праздничному крестьянскому женскому наряду великорусских областей, чем, например, придворное «русское платье», носившееся на корсет и позволявшее глубокое декольте (рис. 1). Хотя в обоих видах такого русского костюма имелось важное отличие в способе ношения головного убора: он открывал волосы, что категорически возбранялось в народной традиции замужним женщинам. Впрочем, как замечают современные исследователи, проблема заключалась в трактовке названия «кокошник»: этнографы и филологи XIX в. полагали, что «кокошником» можно было называть и разновидность девичьих головных уборов [Мадлевская: 10–11]. Однако если название кокошника в придворном костюме сохранялось при явном несоответствии традиционным формам в силу особенностей причесок и мод, то использование псевдококошников в наряде кормилиц никак не было связано с реалиями повседневности, что говорит об условности, искусственности данного элемента.

Одежда шилась специально для крестьянок-кормилиц, как правило, из добротной и дорогой ткани (у царских кормилиц – парчовой); однако и роскошное одеяние царских, и более скромные наряды крепостных кормилиц по традиции отдавались им в собственность после окончания кормления [Писемский: 285].

Рис. 1. П.Н. Орлов. Портрет неизвестной в придворном русском платье. 1835. Эрмитаж

История кормиличного промысла в европейской культуре стала предметом внимания ученых начиная с 1980-х гг. – прежде всего специалистов по гендерной истории; ряд работ посвящен национальным традициям формирования этой группы в разных странах (библиогр. см.: [Kuxhausen: 97–98;

Ventura: 226–227; Baumgartel, Sneeringer]. Изучение социокультурного феномена кормления российскими антропологами предпринималось в контексте историко-антропологических исследований материнства и так называемой «женской истории» [Мицюк; Мицюк, Пушкарева 2016а; Мицюк, Пушкарева, Белова: 139–146]. Работ о кормилицах как социальной группе, об этом промысле [Белова; Мицюк, Пушкарева, 2016b; Плетнева 2020а; Плетнева 2020b] и в особенности о кормилицах царских детей в России также немало [Зимин 2003; Красникова 2012; Зимин, Девятов 2014: 468–472; Красникова 2015]. О «русском костюме» кормилиц, однако, писали главным образом историки моды [Васильев: 118–119; Хорошилова 2015: 196; Khoroshilova: 279–281]. Однако при обилии сохранившихся документальных описаний мамок-кормилиц в эго-документах XVIII–XX вв., частотности образов кормилиц в произведениях русской литературы, а также при наличии значительного комплекса собственно визуальных изображений (гравюр, картин и особенно – фотографий) немного написано о появлении и создании их костюма в России [см., например: Мадлевская: 45–46].

В нашу задачу не входит реконструкция истории кормилиц как особого института и формирования представлений о вскармливании детей за плату в различных стратах российского общества имперского периода [об этом см.: Kuxhausen], однако для по-

нимания эволюции и выбора элементов их «униформы» необходимо учесть основные этапы эволюции этой группы. Подчеркнем, что речь идет именно о кормилицах нанимаемых – прежде всего в семье определенной сословной принадлежности.

Институт кормилиц складывался в России, с одной стороны, под влиянием европейских представлений о необходимости выхаживания младенцев, а с другой, был связан с бытованием обычая отказываться от грудного вскармливания младенцев в семьях высших сословий (прежде всего монарших). Историки уверенно заключают, что появление кормиличного промысла в Российской империи произошло в результате ее европеизации, что это «европейское культурное заимствование XVIII века» [Плетнева 2020а: 145]. По источникам этого времени ясно, что именно представительницы знати прибегали к услугам кормилиц: «...у достаточных людей новорожденного питает кормилица, а у простого народа мать сама довольствует дитя свое молоком из своих грудей» [Рост: XI]. В эпоху Просвещения в Европе сложился идеальный образ матери, которая самостоятельно и самоотверженно заботится о своем новорожденном ребенке. К пропаганде новых требований присоединялись и российские медики и ученые, ставившие в пример дворянкам крестьянских матерей [Kuxhausen:110–113]. Образцом следования природному состоянию оказывались жен-

щины «простого звания», которые физиологически, как указывалось, были гораздо более приспособлены к реализации женских функций, в том числе к кормлению грудью. Их здоровье и физическая крепость уже в то время выступали важным фактором, определявшим предпочтение выбора кормилиц именно из этого сословия. Таким образом, в основу концепции кормильчества легла социально-физиологическая дифференциация. С другой стороны, в новейших историко-антропологических исследованиях, посвященных практике грудного вскармливания в культуре российских дворянок говорится, что в XVIII–XIX вв. «лактация становилась предметом экстраполяции книжной культуры в повседневную жизнь» [Мицюк, Пушкарева, Белова:137], а усвоенный «культурный миф Ж.-Ж. Руссо о священном долге матери» в первой половине XIX столетия оказывался важным фактором формирования идеального образа матери, включающего кормление грудью.

Несмотря на популяризацию подобных идей, представления о недопустимости (обусловленной правилами хорошего тона) самостоятельного грудного кормления женщинами из высших слоев общества сохранялись вплоть до 1860-х – 1870-х гг., притом в различных европейских странах. И французские [Ventura: 215], и русские почитательницы Руссо нередко предпочитали нанимать кормилиц [Мицюк: 559; Мицюк, Пушкарева

2016b], что часто было вынужденной мерой, обусловленной особенностями физиологии, генетическими факторами и образом жизни [Мицюк, Пушкарева, Белова: 413]. Впрочем, Белова подчеркивает, что «если в XVIII в. для вскармливания грудничков в российских дворянских семьях в большинстве случаев принято было нанимать кормилиц (по возможности, «брать в дом» из числа крепостных), что считалось также обычной европейской практикой, а кормление матерью свидетельствовало об ограниченности средств для этого, то в XIX в. к услугам кормилиц прибегали, в основном, только в случае проблем с лактацией у матери или ее смерти» [Белова: 133]. Исследователи констатируют, что в российской дворянской среде материнское грудное вскармливание начало практиковаться раньше, чем в европейской [Мицюк, Пушкарева, Белова: 144].

В Западной Европе институт кормилиц существовал вплоть до конца XIX в., а положение этих женщин, различные варианты заработка и условия найма неуклонно и все более детально регламентировались (например, во Франции – см.: [Sussman]). Несмотря на энергичную деятельность врачей уже на новом этапе развития медицины (1850-е – 1870-е гг.), направленную на пропаганду материнского грудного вскармливания, и общественные дискуссии об этической стороне кормильческого промысла ради заработка и о моральной ответственности нанимате-

лей, спрос на кормилиц не падал вплоть до появления качественных молочных смесей [Ventura: 216–217; Мицюк, Пушкарева 2016a; Мицюк, Пушкарева 2016b]. А с появлением буржуазии в Российской империи расширился социальный слой, представители которого имели материальные возможности обратиться к услугам кормилицы с проживанием в доме; аналогичный процесс развития кормиличного промысла шел в европейских странах, что связано с индустриализацией и модернизацией общества [Ventura: 216; Baumgartel, Sneeringer, Cohen].

Нет сомнений, что положение кормилиц-крестьянок в семьях дворянского (с XVIII в.) и купеческого (с середины XIX в.) сословий было особым, статусным – их костюм, услуги и питание (после отмены крепостного права) стоили недешево [Веремченко: 28–29], а внешний вид был важным показателем благосостояния родителей ребенка. Именно материальные возможности нанимателей и мода определяли обращение к услугам кормилиц. На отношение к ним влияли традиционные и в том числе мифологические представления, согласно которым «материнское молоко как “генетический” продукт наделяется сакральным значением», а молочное родство охраняется обычным правом наряду с другими видами ритуального (искусственного) родства (побратимство)» [Толстая 2004a: 284]. Некоторые исследователи подчеркивают, что роль и положение кормилиц («мамок») в россий-

ском обществе XIX в. было выше, чем в Европе того времени [Мицюк, Пушкарева 2016b: 152], а вот с точки зрения институционализации положение кормилиц «по найму» в Российской империи, было, несомненно, менее определенным [Плетнева 2020a: 145].

Помещицы руководствовались в выборе кормилиц прагматическими соображениями здоровья и обилия молока у крепостных крестьянок. Не найдено свидетельств того, что кормилицы в дворянские и купеческие семьи подбирались из представителей определенной этноконфессиональной или региональной группы или им отдавалось предпочтение при выборе. В мемуарной литературе встречаются упоминания о кормилицах малороссиянках, гречанках, цыганках, «чухонках» и др. (см.: [Мицюк, Пушкарева, Белова: 142]).

Кормилицы царей

Отдельный вопрос – выбор кормилиц для царских детей. Доподлинно известно, что только первая и последняя российские императрицы кормили грудью детей сами, – всем остальным, независимо от личного желания, строго предписывалось нанимать кормилиц. Это было обусловлено уровнем развития медицины и распространенностью идей физиологической контрацепции, но прежде всего – этикетными нормами и представлениями о статусе супруги правителя. В допетровское время в случае необходимости к царскому двору приглашались кормилицы.

цы различного происхождения («выбирают всяких чинов из жен жену добрую, и чистую, и млеком сладостну и здорову» [Котошихин: 17]), – имена многих известны, но сословное происхождение не всегда возможно определить точно, хотя их статус при женском дворе мог стать довольно высоким и после окончания выкармливания [Забелин: 506]. Вероятно, только с конца XVIII в. их начали выбирать исключительно из крестьянок. Кормилиц для детей российских императоров разыскивали в великорусских губерниях и только среди удельных государственных крестьян, притом, как считают некоторые исследователи, с конца XIX столетия непременно «природно-русских» [Красникова 2015: 136]. И в столичной губернии были деревни, женщины из которых в первую очередь приглашались для кормления для царских отпрысков [Зимин 2003; Зимин 2010: 34–40] (например, для детей наследника Павла Петровича поставщиком кормилиц медиком была выбрана ставшая «деревней кормилиц» Федоровская недалеко от Павловска, для цесаревича Александра Павловича крестьянку взяли из Царского села, в то время как для детей Николая Павловича Александр I повелел искать кормилиц из подмосковных деревень [Зимин 2015: 10, 58].

То, что кормилицы царских детей выбирались из крестьянок, некоторые исследователи склонны объяснять идеологическими причинами и даже влиянием концепции «православия, самодержавия, народности», рассматри-

вая выбор на роль «мамок» как сознательное конструирование одного из ритуалов единения монарха с народом [Красникова 2015: 134]. И.В. Зимин также убежден, что «подбор кормилиц из «народа» имел еще одну очень важную сторону – политическую. То, что российского императора «вскармливала простая русская крестьянка и у царя имелись молочные братья и сестры из крестьянской среды, было очень важным кирпичиком в фундаменте неразрывно-мистической связи царя и народа» [Зимин 2010: 34]. Вряд ли такая трактовка может считаться убедительной без достаточных аргументов, подкрепленных источниками. Нельзя, однако, не отметить, что подобная интерпретация возникала еще у современников последнего императора. Одно из свидетельств содержится в воспоминаниях друга детства последнего императора В.К. Оленгрэна в 1876–1879 гг.; он описывал и кормилицу императора Александра III, и кормилиц его братьев и сестер, в связи с чем отмечал: «Я теперь отдаю себе отчет, что, при невероятной смеси кровей в царской семье, эти мамки были, так сказать, драгоценным резервуаром русской крови, которая в виде молока вливалась в жилы романовского дома и без которой сидеть на русском престоле было бы очень трудно. Все Романовы, у которых были русские мамки, говорили порусски с налетом простонародным. Так говорил и Александр Третий» [Сургучев 1999: 113].

В эмигрантской повести И. Шмелева «Богомолье» (1931), считающейся автобиогра-

фической, приводится «народный» нарратив о реальной кормилице будущего императора Александра II Авдотье Гавриловне Карцовой, который вложен в уста молочного брата Царя-Освободителя (1818 г. рожд.), соседа Карцовой [Шмелев: 439–441]. Описав обстоятельства и случай, приведший крестьянку из Мытищ к царственному отпрыску, рассказчик резюмирует: «Вот и выкормила нам Лександру Николаича, он всех крестьян-то и освободил. Молочко-то ... оно свое сказало!» [Шмелев: 440].

Выбор кормилиц для государей, конечно, диктовался не столько этническим и социальным происхождением женщин, сколько преимущественно физическим состоянием и качеством молока. Важным критерием оставался и внешний вид женщины, который и для врачей, и для родителей служил показателем здоровья, крепости и выносливости, а также «нравственных качеств» (добродетельности и хорошей репутации семьи) [Мицюк, Пушкарева, Белова: 140–141; Цесаревич Алексей: 274–276]. Эти критерии можно реконструировать по документам дворцовых ведомств и мемуарам XIX в., а также выявить из многочисленных специальных медицинских руководств – как русских, так и переводных.

Русский костюм кормилицы в XIX в.

Существует гипотеза о том, что в России переодевание кормилиц в специально сшитую и стилизованную под русскую народную одежду в XIX в. появилось под влиянием возникновения практики найма крестьянок для кормления императорских детей:

«...традиция ношения кормилицами сарафанов с кокошниками, вероятнее всего, пошла от царской семьи: с конца XVIII века кормилиц наследников российского престола облачали именно в них, о чем сохранились записи в документации царского дворца» [Мицюк, Пушкарева 2016b: 155¹].

Но до сих пор нет аргументированных доказательств, когда именно и по какой причине кормилиц королевских / императорских детей стали одевать в стилизованный русский наряд. Встречается и более прагматическое, нежели символическое, объяснение, согласно которому все дело в фасоне одежды – европейская женская мода знати начиная с XVII в. усложняет процесс кормления, а введение корсетов создает для кормящей матери ряд дополнительных проблем [Ventura; Baumgartel, Sneeringer, Cohen]. Однако традиция облачать кормилиц, и не только монарших, в специальную одежду с элемен-

---

¹ К сожалению, ссылка авторов статьи на архивный источник в публикации дана с опечаткой, и остается непонятным, о каком документе идет речь.

тами народного костюма складывается в XIX в. не только в России [Ventura; Siles-González etc.]. Она отчетливо коррелирует с тенденциями создания «национальных» вариаций костюмов периода формирования национальных идентичностей в Европе, и, в частности, с важной идеей национализации придворной одежды и мундиров. Внимание к национальным элементам образа монархов и мода на стиль «историзма» в искусстве привели к выбору региональных вариантов крестьянской одежды в качестве общенациональных и к внедрению их придворные костюмы – в том числе в «униформу» королевских или императорских кормилиц [Фюлемиле: 44–45]. Исследовательница полагает, что причина выбора крестьянской одежды в качестве образца состояла в стремлении обозначить его как национально-типичный, в желании продемонстрировать возвращение к истокам, а также в ассоциативной связи кормления с природным плодородием: «Образ крестьянки, вероятно, возник вследствие ассоциации между плодородием, природой и ностальгией по буколической идиллии сельской жизни» [Там же: 45].

Выбор народного костюма для их облачения (при весьма значительных вариациях не столько этнической, сколько региональной женской одежды в разных странах) мог быть обусловлен происхождением нанимаемых женщин, которые по приглашению во дворец прибывали, естественно, в своих праздничных костюмах. Известно, например, что в Австро-Венгрии

кормилицами венценосных отпрысков были крестьянки, а самыми лучшими из них в Вене считались женщины из Моравии. Императрица Елизавета Баварская (Сиси) желала, чтобы кормилицей ее младшей дочери была непременно венгерка. Одна из кормилиц единственного наследника, принца Рудольфа, стала очень известна – чешка из Моравии Мария Ржегоржова (Maria Řehořová) (1839–?), которая вошла в историю как «Марианка». И для венгерской кормилицы, и для Марианки были сшиты специальные костюмы, типичные для крестьянок их регионов (Марианке – на основе ее регионального моравского [Hamann, 1986, p. 82]) (рис. 2). Впоследствии именно он стал своеобразной униформой кормилиц в Австро-Венгрии.

Рис. 2. Марианка, кормилица Рудольфа, наследного принца Австрии. Открытка. Венский музей

В Испании в XIX в. придворные кормилицы выбирались из северных регионов страны (Кантабрии, Астурии, Наварры, Страны Басков и Бургоса), поскольку считалось, что они наиболее здоровые и с молоком лучшего качества [Siles-González etc.]. Большинство их относились к *pasiego* – обитателям Лос-Вальес Пасьегос. Критерии выбора испанских и русских кормилиц были одинаковыми: здоровье, качество молока и опыт материнства, нравственный облик и репутация, красота и добросердечие. Испанские исследователи показали, как менялся народный костюм для кормилиц, становясь своеобразной униформой, при мадридском дворе. Отметим его сходство с костюмом русских кормилиц: он выполнялся из дорогих тканей, декорировался золотой тесьмой и кружевами, обязательными были украшения:

«Распашная куртка была сделана из шелкового бархата и черного атласа; она была короткой и украшалась золотой тесьмой и пуговицами. Юбки были из черного бархата и доходили до щиколотки. Блузки были сделаны из полотна, декорированного кружевом. ... Кроме того, кормилицы носили роскошные серебряные, золотые и коралловые украшения...» [Siles-González etc.] (рис. 3).

Об испанских *passiega* вспоминал Т. Готье, описывая наряды русских кормилиц в середине XIX в.:

«В Испании тоже считается чрезвычайно высоким тоном держать в доме кормилицу в старинном костюме “*passiega*”. В Прадо или ... в Мадриде я любовался красавицами крестьянками в таких костюмах, состо-

ящих из черных бархатных жакетов и широких юбок с золотой лентой» [Готье: 46].

Он, в отличие от российских современников, пытался интерпретировать выбор крестьянского костюма для кормилиц патриотическими мотивами и даже, опережая научные трактовки, усматривал в облике кормилицы, одетой подобным образом, символ матери-родины:

«Можно подумать, что цивилизация, с развитием которой исчезает национальный колорит, стремится оставить своим детям хотя бы память о нем. Вот приводят к детям женщину из деревенской глуши в старинном национальном костюме. Она являет собою как бы образ матери-родины» [Там же].

Рис. 3. М. де Сейт. Кормилица в неаполитанском костюме с младенцем на руках. 1820-е гг. Открытка

Во Франции во второй половине XIX в. в городской среде реализуется тенденция неформальной регламентации одежды для работников сферы различных услуг, включая виды прислуги; кормилицы тоже обрели особую «униформу», которая состояла из платья с пуговицами на груди, плаща, светлой шляпы, украшенной двумя длинными цветными лентами, в комплект входили также фартук и зонг от солнца [Ventura: 216–217]. Помимо практической функции особого кроя платья, облегчавшего кормление грудью даже в общественном месте, не привлекая пристального внимания, исследователь отмечает символическую роль данного костюма. Головной убор, не имевший никакого практического значения, служил визуальным подтверждением данного

вида деятельности. Украшения и высокая стоимость тканей подчеркивали высокий финансовый и социальный статус их работодателей [Ventura: 217]. Обратим внимание, что, кроме цветных лент на шляпе или в венке, никаких народных элементов в таком наряде не было. На картине А. Эдельфельта, изображающей Люксембургский сад в Париже в летний день, представлены гуляющие в нем кормилицы с детьми. На них высокие головные уборы, похожие на венки, украшенные спереди кружевом, а сзади – цветными (красными, синими и черными) лентами, спускающимися по спине. Они в белоснежных рубашках и широких свободных платьях, напоминающих сарафаны (рис. 4).

Рис. 4. А. Эдельфельт. Люксембургский сад. Париж. 1887. Музей «Атенеум», Хельсинки. Фрагмент

Таким образом, трудно с уверенностью утверждать, что создание одеяния кормилицы в России на основе великорусского сарафанного комплекса восходило именно к инициативе императорского двора. Однако такой костюм действительно стал своеобразной формой кормилиц уже в начале XIX в. – притом как в аристократических, так и в среднепомещичьих дворянских и в зажиточных купеческих слоях. Конечно, речь идет только о тех кормилицах, которые жили в семье, поскольку была и другая их категория – нанимавшихся за плату в воспитательные дома для сирот, но и они с 1860-х гг. также надевали в качестве «формы» сарафаны и «кокошники».

Быть может, специальная одежда кормилиц в России могла сложиться без прямого влияния Двора и порожденной им моды, и ее можно соотнести с распространенностью сформировавшегося еще в XVIII в. обычая неперемного переодевания дворян, причем женские костюмы были долго не европеизированными, а народными (т. е. по образцу местной крестьянской одежды), но их внешний вид выбирался помещиком в соответствии с его вкусами и предпочтениями. Интересно, например, что в южных великорусских губерниях, где женская крестьянская одежда представлена понёвным комплексом, «дворовые носили сарафан и платье из фабричной ткани», причем это отличие могло сохраняться и у потомков

дворовых даже после отмены крепостного права [Маслова: 558].

Трудно с уверенностью сказать, когда именно кормилицам в России было предписано носить специальный костюм, ставший начиная с 1830-х гг. своеобразной профессионально-сословной униформой. Если даже принять гипотезу о том, что впервые она была создана для императорских детей, то точных сведений об этом нет. Есть мнение, что инициатором «униформы» для мамок был Николай I [Зимин 2010], который, как известно, придавал большое значение регламентации костюмов военных и гражданских и лично утверждал дамские придворные «мундиры» в виде «русского платья». Но есть некоторые другие данные. Из воспоминаний Николая I известно, что при крещении присутствие кормилицы было обязательным, но что на обряде его крещения (1796) красносельская неграмотная крестьянка Ефросинья Ершова была в европейском, а не в крестьянском платье [Император Николай: 61]. А из некоторых косвенных данных известно, что кормилица Александра Николаевича, будущего Александра II (т. е. в 1818 г.), уже была в русском платье: ее «одели в золото – в серебро, в каменья, кокошник огромный ...» [Шмелев: 440]. Плетнева считает, что «наряд кормилицы возник не в XIX в., а раньше, вместе с распространением этой профессии [Плетнева 2020а: 152]. Такое заключение не объ-

ясняет, однако, необходимости создания подобного костюма – ведь для декларации иного сословного статуса было бы достаточно оставить крестьянку в ее собственной (пусть даже праздничной) традиционной одежде. Тем не менее был создан «национальный» и узнаваемый «русский» наряд на основе великорусского сарафанного комплекса, но он не был воспроизведением конкретного регионального варианта народного костюма, а довольно условной его интерпретацией, фантазией на пейзажную тему, модную начиная с 1830-х гг. Этот наряд тяготел к праздничному, «парадному» виду одежды, и он не мог рассматриваться как «настоящий» крестьянский – прежде всего потому, что не соответствовал никаким конкретным региональным вариациям со спецификой кроя, украшений и в особенности формы головного убора, именовавшегося кокошником, но в строгом смысле не являвшимся им, не говоря уже о тканях, из которых был сшит. Иначе говоря, он не был аутентичным, а был сконструированным, условно-русским. Его важной приметой было богатство ткани и украшений.

Костюм кормилицы в визуальных образах и описаниях

Изображения русских кормилиц в характерном костюме и с младенцами известны с начала XIX в. Например, мамка представлена на отдельной гравюре в кни-

ге английского художника Р.К. Портера о путешествии в Россию в 1805–1808 гг., переизданной в 1813 г. в Лондоне (см.: [Вишленкова: 103]). Гравюра подписана, женщина на ней облачена в белую рубашку с пышными рукавами до локтя, на ней сарафан яркого, по-видимому, цвета, на голове высокий кокошник, на шее – бусы.

Гораздо более подробно выписан костюм кормилицы на одной из гравюр «Волшебного фонаря», издававшегося в 1817 г. [Волшебный фонарь]. И, хотя красная пеленка, обшитая кружевами, скрывает большую часть наряда, можно рассмотреть короткие пышные рукава белой рубашки (обратим внимание, что рукава рубахи кормилиц были именно до локтя), красный сарафан, поверх которого, вероятно, синий передник. У столичной кормилицы крупные бусы и высокий красный кокошник с небольшим бантом посередине, оставлявший открытыми волосы на лбу (рис. 5). Рисунок сопровождает диалог между разносчиком, продающим яблоки, и кормилицей. Они оказываются крестьянами-земляками, встретившимися случайно на улице Петербурга. Продавец восхищается ее внешним видом: «сущая барыня», «потолстела», «помилела», «покруглела», и кокошник «дорогова стоит» [Там же: 152–153], что означает, что наниматели – люди обеспеченные, и с местом женщине повезло.

Рис. 5. К.А. Зеленцов. Кормилица и разнощик. № 35 [Волшебный фонарь]

Типичный облик русских кормилиц известен также по картинам и гравюрам 1830-х гг. На полотне 1823 г. домашнего художника семьи Строгановых Е.И. Есакова [Капарулина] кормилица идентифицируется также по характерным элементам костюма – высокому красному кокошнику с золотым позументом, красному (вероятно, атласному) сарафану, белоснежному переднику. На ее шее жемчужные бусы, в ушах серьги (рис. 6).

Рис. 6. Е.И. Есаков. Кормилица с детьми в Марьинской усадьбе. 1823. Из альбома С.В. Строгановой. ГРМ

На известном полотне А.О. Бруни, выполнявшем заказы для князя И.И. Барятинского, изображен вид его усадьбы Марьино в Курской губернии [Тарасова]. Идиллический пейзаж, символизирующий плодородие и изобилие в благоденствующем поместье (на заднем плане сбор урожая пшеницы), дан в обрамлении фигур крестьян слева, которых встречают справа хозяева усадьбы, и рядом с ними кормилица с младенцем на руках, которая одета в типичный наряд: на ней кисейная рубашка и синий сарафан, на голове высокий красный кокошник с позументом (рис. 7).

Рис. 7. А.О. Бруни. Вид усадьбы Марьино. (1823–1825). Курский областной краеведческий музей

Это изображение важно для ответа на вопрос о том, в какой мере костюм кормилицы (справа) отличался от одежды крестьянки в праздничном наряде (слева). Они в сарафанах одинакового фасона, но разного цвета, а кокошник кормилицы имеет иную форму и более богато декорирован. Немного различий в крае белых рубах, которая у кормилицы

оставляет открытыми грудь и шею и выполнена из прозрачной дорогой кисеи. Однако оба костюма очевидно условны.

Обратим также внимание на кокошник с золотой вышивкой или с позументом – его цвет, форма и декор одинаковы на изображениях 1830–1850-х гг.¹ По форме и декору его передней части такой головной убор ближе всего к повойникообразному кокошнику Московской губернии (московского типа [Мадлевская: 275–277]). Исследовательница русского традиционного костюма 1850-х гг. Е.А. Авдеева писала, что «в губерниях Ярославской, Орловской и Калужской носили кокошники, похожие на те, которые теперь видим на кормилицах» [Авдеева: 189]. Однако, как уже говорилось, он не закрывал волосы полностью, и таким образом, представлял собой стилизованный девичий головной убор.

Одно из первых описаний одежды кормилицы принадлежит перу А.П. Башуцкого, который представил ее в характеристиках петербургских типов «черни», т. е. столичного простонародья. Он считал этот наряд традиционным русским. Автор сето-

¹ Так, на известном поясном портрете кормилицы с ребенком (1831, ГТГ) А.Г. Венецианова изображена молодая женщина в полурасстегнутой рубахе с рукавами по локоть и в красном сарафане из дорогой ткани (видна только верхняя его часть) и в таком же красном кокошнике; она держит ребенка, играющего ее синими бусами. Такой же красный головной убор с позументами – на кормилице с рисунка П.-М. Русселя «Туалет» (1848), на портрете А.А. Зеленского «Кормилица в русском костюме с ребенком на руках» (1850–1851) и на ряде других изображений.

вал на то, что женщины, в отличие от мужчин, «совершенно утратили в Петербурге свою одежду. В сарафаны и кокошники (по обыкновению довольно богатые) одевают в столице одних только кормилиц» [Башуцкий 1834: 32–33]. В повести И.И. Панаева «Барышня» (1844) также имеется описание одежды кормилицы, из которого ясно, что комплектов было два, повседневный и праздничный:

«Кормилица обыкновенно по будням носит толстую рубашку, ситцевый сарафан и ситцевую шапочку на голове, а по воскресеньям и по праздникам – непременно камлотовый сарафан, обшитый галуном, кисейную рубашку и бархатный кокошник» [Панаев: 470].

В текстах чаще описываются именно праздничные наряды кормилиц, но в повседневном обиходе дорогие и роскошные костюмы и кокошник, конечно, не носили, хотя сам состав костюма (сарафан, рубаха, часто передник) был таким же.

Впрочем, на рисунке В.Ф. Тимма (1841), иллюстрирующем очерк «Няня», представлен облик кормилицы именно в обыденной обстановке (так необходимо по сюжету) (рис. 8). Важной деталью является редкий вид головного убора сзади, который выдает главную особенность его конструкции: незакрытую затылочную часть.

Рис. 8. В. Тимм (рис.), Г. Дерикер (грав.). Илл. к очерку А.П. Башуцкого «Няня» [Башуцкий 1841: 104]

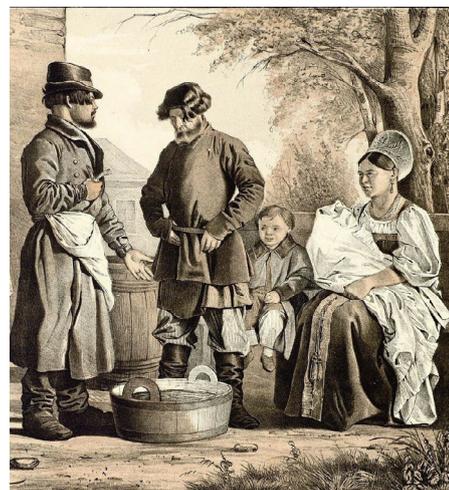

Рис. 9. И.С. Щедровский. Няня. Фрагмент [Няня]

В популярном сборнике очерков уличных типов Петербурга, которые сопровождались гравюрами с рисунков И.С. Щедровского, кормилица изображена на иллюстрации к очерку «Няня» [Сцены]. Ее наряд соответствует всем уже перечисленным особенностям «униформы» (рис. 9). Хозяйева кормилицы – обеспеченные люди: на ней белая рубаха с пышными рукавами, серьги, бусы в несколько рядов и высокий расшитый кокошник, оставляющий открытым волосы на лбу (и в этом отношении он не отличается от придворных женских уборов). Черно-белая гравюра не передает цвета, но кокошник, вероятно, красный или синий. Обратим внимание на его неизменную форму.

Впрочем, нельзя не отметить, что на некоторых полотнах встречается и иная форма кокошника – как на картине неизвестного художника из Русского музея, долгое время приписываемая Венецианову [НХ: 225] (рис. 10). Выражение лица и некоторые атрибуты делают ее похожей на Богородицу, однако именно крестьянский наряд «выдает» в ней кормилицу: она в несколько необычном по форме (в сравнении с другими кормиличными этого времени) синем кокошнике с жемчужной поднизью; он украшен серебряным шнуром и мелким стеклярусом (бисером?). Но аксессуары демонстрируют богатство родителей младенца: на ней нитка бус из крупного жемчуга, дорогие серьги, а пуговицы на вероятно бархатном синем

сарафане также из жемчужин. Обращает на себя внимание и золотистая шаль с вышивкой, очень модная в это время и довольно дорогая, на кресле. Отметим, что этот кокошник по форме, цвету и декору также похож на головной убор придворной дамы – неизвестной в русском платье с портрета П.Н. Орлова 1835 г. (рис. 11).

Рис. 10. Неизвестный художник. Кормилица с ребенком. Вторая четверть XIX в. РМ [НХ: 225]

На костюм столичных русских кормилиц, которые гуляли с детьми и потому были облачены «на выход», как правило, обращали внимание иностранные путешественники (в частности А. де Кюстин и Т. Готье). Важно подчеркнуть, что они упоминали о нем именно в связи с необычностью такого наряда – других женщин в подобных сарафанах и кокошниках на петербургских улицах они не встречали. Кюстин в «Путешествии» 1839 г. пишет о кокошнике, рассказывая о простонародных одеждах в пригородах столицы, при этом считает его довольно красивым головным убором, отмечая, что он вышел из употребления и носят его только «кормилицы да светские женщины в дни придворных церемоний» [Кюстин: 151].

Совпадение старинного головного убора у кормилиц и придворных дам, видимо, поражаало французов. Приехавший в Россию 20 лет спустя Т. Готье описывал наряд кормилиц в связи с рассуждениями о народных и национальных костюмах:

«В момент, когда вы станете сетовать на то, что в нарядах отсутствует живописность, рядом с вами в старинной национальной одежде проходит кормилица; на голове у нее повойник – нечто вроде шапки в форме диадемы из красного или синего бархата, украшенной серебряным шитьем. ... У кормилиц повойник с доньшком, и из-под него по спине висят две косы. Девушки заплетают одну косу. Похожая на жакет верхняя одежда из камки на вате с кокеткой,

с недлинными полами, из-под которых видна юбка из менее богатой ткани, – так одета кормилица. Жакет у нее красного или синего цвета, как и повойник. Широкая золотая лента идет по краю жакета. Это типично русский костюм, и если в него одета красивая женщина, он не лишен стиля и благородства» [Готье: 46].

Современного этнографа, конечно, смутят подробности, связанные с *двумя* (а не одной, как было принято. – М. Л.) косами, тем более кормящей женщины, и определением «жакет». Очевидно, француз не разобрался с особенностями облика женщин разного статуса, особенно если учесть, что хозяева стремились брать в кормилицы замужних («порядочных») женщин – т. е. кормилица все же должна была убирать волосы под повойник, никаких кос не должно было быть видно. Быть может, Готье видел девушек с косами в сарафанах и повязках, и они, вероятно, могли быть девушками-крестьянками или купеческими дочерьми, приехавшими в город. Но, получив информацию о том, что лишь кормилицы надевают народную одежду, путешественник мог принять их за кормилиц.

Однако не только иностранцы указывали на сохранение народного, и – что немаловажно для наблюдателей – «живописного» образа их костюмов. Художник А.Н. Мокрицкий в 1857 г. писал:

«Один только женский русский костюм, в котором есть много данных для прекрасного, – костюм,

присвоенный кормилицам и едва ли не одними ими носимый в целой России; но и в этом костюме есть один важный порок, общий всем женским костюмам, – обезображение бюста спереди; то, что и у других делается шубкою¹ или сарафаном, у них повязкою передника выше талии. Головной убор при всей своей оригинальности не лишен изящества: плотно обхватывая голову краем яркой материи или галуном, кокошник окаймляет гладко причесанные волосы (снова девичий признак. – М. Л.) и сзади стянут бантом широкой ленты, висящей двумя концами, насколько господский карман позволяет. Костюм этот хорош с передником и без передника; особенно если простую ситцевую шубку заменяет нарядный сарафан с галунами, да к нему кисейная рубаха с прошивными рукавами, да к нему две-три нитки ожерелья и блестящие серьги: тогда красивая дородная женщина в этом костюме широкими массаами своего наряда поставит в тень хоть какую угодно красавицу, одетую по картинке модного журнала» [Мокрицкий: 245–246].

Перед нами не только детальное описание сложившейся к 1860-м гг. униформы кормилиц, в которой художник отмечает наличие лент «кокошника», но и важное объяснение того, почему такой наряд, сшитый из дорогой ткани и носимый с украшениями, пред-

ставлялся Мокрицкому, во-первых, красивым, а, во-вторых, изначально действительно крестьянским, но уже вышедшим из повседневного обихода [Мокрицкий: 246].

Сравнение европейских и русских «униформ» кормилиц и вопрос об их «сконструированности» находит отражение и в сатирической тетралогии Н.А. Лейкина «Наши за границей», которая представляет собой описание путешествий по разным странам купеческой супружеской пары Ивановых. В романе об их поездке в Испанию есть эпизод, когда Николай Иванович, очутившись в Мадриде, ожидает увидеть там красочные национальные испанские одежды и недоволен тем, что все одеты в европейское платье. Наконец он видит женщину в национальном костюме:

«– Женщина в настоящем испанском костюме! Настоящая испанка! Наконец-то увидел настоящую испанку! – Смотри! ... – воскликнул Николай Иванович ... И в самом деле, перед ними вырисовалась красивая черноокая молодая женщина в кружевном уборе, окружающем высокую гребенку с бусами и блестками на голове, в черной юбке на подъеме, в красных чулках с белыми стрелками у щиколоток и в башмаках. Она

---

¹ Шубкой называлась разновидность сарафана в некоторых великороссийских губерниях, в том числе в Московской, Владимирской, Тульской и др. [Беловинский: 28].

была в белом переднике и плечи ее были покрыты полосатым черно-желтым шарфом» [Лейкин 1899: 430].

Но жена объясняет, что это кормилица, потому одета именно так: «Кормилицы и во Франции одевают в национальные костюмы». Иванов заключает: «Значит, национальные-то испанские костюмы можно видеть только на мамках да на актерах в театре», – на что жена отвечает: «Да ведь и у нас в Петербурге то же самое. Да и не в одном Петербурге. Даже в деревнях» [Лейкин 1899: 430–431]. Лейкин подчеркивает неаутентичность такой одежды и у русских кормилиц, ее условность. О восприятии костюма кормилиц как театрального, в высшей степени неправдоподобного, особенно часто упоминается в мемуарах рубежа XIX–XX вв. Так, друг детства Николая II В.К. Оллонгрен считал одевания царских кормилиц именно театральными: «Во дворце хранились для них парчовые сарафаны и нарядные кокошники, и было в этом что-то от русских опер, от “Снегурочки”» [Сургучев: 114] (рис. 11).

Т. Готье – в отличие от Мокрицкого и Лейкина – не усматривал в костюме русской кормилицы условности, театральности, воспри-

Рис. 11. А. Бурый. Фотография сарафанов кормилиц детей Николая II. Эрмитаж. Реставрационно-художественный центр «Старая деревня»¹

нимая его как аутентичный крестьянский, но выполненный в праздничном варианте – из дорогих тканей и шитый золотом. И русский мемуарист С.Н. Дурылин тоже был уверен, что наряд кормилиц – именно старинная русская одежда:

¹Наряды кормилиц детей Николая II до 1917 г. сохранялись в Александровском дворце Царского села [Зимин 2015: 265].

«И даже самая одежда их, над которой смеялся тот же Толстой¹, – и, действительно, иногда на фоне современной жизни казавшаяся маскарадом, – не была такой по существу: этот кокошник, бусы, сарафан, рубашка из кисеи – что это такое, как не исконная, древняя одежда русской женщины?» [Дурьлин: 11].

Дошедшие до нас живописные и фотографические изображения кормилиц (одна из ранних фотографий датируется 1852 г. [Бархатова: 61]) говорят о том, что их костюм, сохраняя основные свои элементы, все же немного менял детали, подпадая под влияние модных европейских тенденций и театральных исторических русских костюмов. Так, во второй половине 1850-х гг. в моду вошли кринолины – и мы видим это на фотографиях кормилиц известного петербургского фотографа У. Каррика (рис. 12–13). На них разные кокошники, и одна в редкой для такой фотографии верхней одежде, при этом на ней еще юбка или сарафан из модной в эти годы шерстяной ткани в клетку. Модные тенденции не затронули, однако, главные черты «униформы»: наличие пышных рукавов рубашки из тонкого полотна (иногда кисеи), яркий, украшенный позументами и серебряной

или золотой нитью сарафан и «богатый» кокошник характерной формы. Белый вышитый передник встречается не на всех изображениях. Бусы могли быть разными: крупными цветными, янтарными или жемчужными. На фотографиях 1880–1910-х гг. жемчужные бусы в несколько рядов начинают преобладать.

Рис. 12. У. Каррик. Кормилица. Фотография. 1860-е гг.

¹ Автор имеет в виду известную фразу из повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» (1889): «кормила кормилица, то есть мы воспользовались бедностью, нуждой и невежеством женщины, сманили ее от ее ребенка к своему и за это одели ее в кокошник с галунами» [Толстой: 167].

Рис. 13. У. Каррик. Кормилица. Фотография. 1860-е гг.

Довольно редки описания кормилиц в мемуарах матерей, особенно высокородных. Исключительным в этом отношении можно считать упоминание о красоте и наряде кормилицы детей княгини С.Н. Голицыной – «Саши, красивой брюнетки». В заметке, относящейся к декабрю 1876 г., Голицына писала:

«Когда она появлялась на улице, на нее невольно обращали внимание. Кроме красоты, наряд на ней мог привлечь внимание: высокий кокошник из золотой парчи, малиновый сарафан, пышная кисейная рубашка, масса бус и бархатная душегрейка – все это было красиво и к лицу» [Голицына: 65].

Красота молодых и дородных, ярко одетых кормилиц, производивших впечатление на мужчин разных сословий, неоднократно становилась предметом изображения очеркистов и писателей в контексте критики нравов городских обитателей в последней трети XIX в. Кормилица, как и другая женская прислуга в городе, особенно столичном, оказывалась жертвой домогательств и объектом внимания соблазнительей разного толка. Эротические мотивы, ассоциируемые с кормилицами, часто становились сюжетами живописных и художественных произведений во французском искусстве последней трети XIX – начале XX в. [Ventura].

В одной из повестей Н.А. Лейкина, написанной в самом конце XIX в. и посвященной сатирическому изображению жизни кормилицы в богатом столичном доме, автор подробно описывал ее положение и отношение к ней представителей разных сословий. Мамка-кормилица Еликанида – молодая крестьянка, красивая и здоровая, взятая для кормления семимесячного мальчика, «статная, белая, румяная блондинка», «залита» «в серебро, голубой бархат и шелковый штоф так называемого русского костюма. Голубой сарафан опушен широким серебряным позументом. Такого же цвета бархатный кокошник блещет серебряными блестками, широкие кисейные рукава рубахи с буфами и ворот с серебряными пуговицами-бубенчиками. Шея мамки-кормилицы украшена ниткой крупных янтарей, в ушах

длинные серебряные серьги с мелким жемчугом» [Лейкин 1903: 5]. Ее верхняя одежда также была дорогой и красивой, и на украшения хозяйева не скупилась:

«...Еликанида, облаченная в голубой штофный шугай с серебряными позументами, надетый поверх такого же цвета и материи сарафана. На голове у мамки красовался голубой повойник с серебряными блестками, из ушей висели длинные серебряные серьги с жемчугом...» [Там же : 21].

Однако вечером, дома, она носит более скромный сарафан «из розового мебельного ситца с громадными разводами и с белыми рукавами-буфами» [Там же: 31]. Обратим внимание на то, что фасон одежды кормилицы не описывается, автор лишь называет элементы знакомого и не менявшегося на протяжении столетия комплекта костюма: рубаха с пышными рукавами (он именует их «буфами», то есть они объемные в верхней части и сужаются к запястью, но чаще выше, у локтя), сарафан и повойник. Для писателя важнее подчеркнуть дорогой материал: бархат, шелк, наличие украшений (серебряных, жемчужных и янтарных), а также серебряный позумент на сарафане и кокошнике. В сюжете рассказа Лейкина одной из важных линий является сексуальная привлекательность кормилицы для мужчин различных социальных групп, включая отца младенца, которые не скрывают «особого интереса» к молодой крестьянке.

Рис. 14. Л.О. Пастернак. К родным. 1891. Фрагмент. Владимиро-Суздальский музей-заповедник

В гораздо более скромном, чем Еликанида, наряде, представлены совсем юные кормилицы в синих кокошниках в изображениях последней четверти столетия (например, на картинах И.Н. Крамского «Встреча войск» (1879) и Л.О. Пастернака «К родным» (1891)) (рис. 14) – матери ребенка ограничены в средствах (первая – вдова, вторая в трауре, возможно, также вдова), и вряд ли могут позволить себе большие расходы на кормилицу.

По воспоминаниям художника М.В. Добужинского, относящихся к 1900-м гг., цвет кокошника мамки зависел от пола ребенка:

голубого цвета – на кормилице мальчика, розового – девочки [Добужинский: 13]. Это второе после Готье упоминание о выборе двух цветов для кокошников – как можно судить по живописным изображениям второй половины XIX в., именно синий и красный цвета головных уборов преобладают, других не встречается.

Добужинскому, в отличие от других, не нравился бросающийся в глаза облик столичных кормилиц. Как и Оллонгрена, наряды напоминали Добужинскому театральные костюмы, а сами кормилицы казались «расфуфыренными куклами». В отличие от Оллонгрена, он видел в них сценическое одеяние не «снегурочек», а условных «барынь»:

«Самым нарядным уличным персонажем была кормилица у “господ”. У них была как бы “парадная форма”, квазикрестьянский костюм весьма театрального вида (костюм сохранился и позже, вплоть до самой войны 14-го года!). И постоянно можно было встретить чинно выступавшую рядом со своей по моде одетой барыней толстую, краснощекую мамку в парчовой кофте с пелеринкой, увешанную бусами и в кокошнике... А летом ее наряжали в цветной сарафан со множеством мелких золотых или стеклянных пуговиц на подоле и с кисейными пузырями рукавов. Набережной и в Летнем саду среди корректной петербургской толпы такая расфуфыренная кукла была обычна» [Там же: 13–14].

Одну из них художник запечатлел в серии «Типы Петербурга» (1910) (Рис. 15). Таким образом, иконография кормилицы как особого «русского типа», в том числе столичного, сложилась к концу столетия. Но на рисунке Добужинского она предстает в редком для визуальных источников варианте зимней одежды.

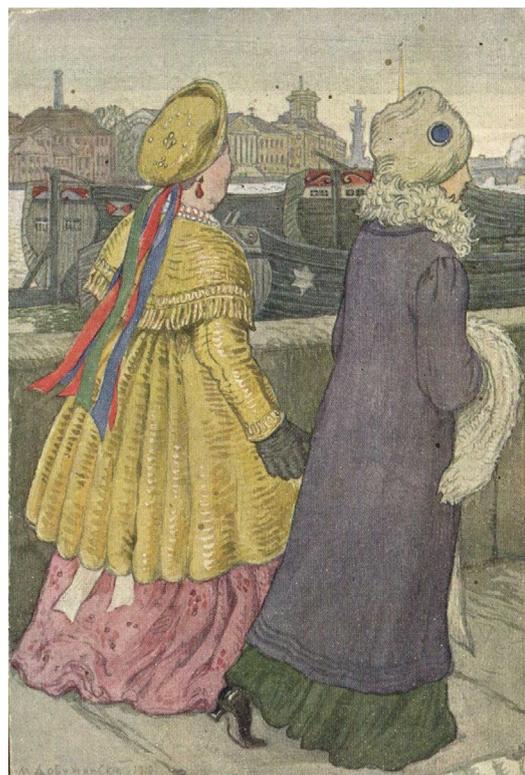

Рис. 15. М.В. Добужинский. Мамка. Открытка. 1913

Сохранилось очень много семейных и музейных фотографий кормилиц с детьми 1890–1910-х гг. [Васильев: 118–119; Хорошилова 2012: 340; Хорошилова 2015: 196; Кормилицы], поскольку стало принято делать такой снимок на память в фотоателье перед уходом кормилицы:

«В то время был обычай снимать кормилиц с выкормышем, и сохранились такие снимки с братьев моих: кормилица стоит в русском народном шелковом сарафане, кисейная рубаха с пышными рукавами, несколько нитей с цветными бусами на шее, шелковый, расшитый золотом кокошник на голове, ленты от бус и кокошника, скрученные назад в бант. Кормилица держит на руке питомца в платьице; ему год-полтора – время наступающей его разлуки с кормилицей» [Дурылин: 22–23].

Обратим внимание, что именно на этих поздних фотографиях хорошо видны ленты кокошников, перекинутые на плечи или грудь, которые не заметны на живописных портретах, и которые снова возвращают нас к вопросу о типологическом родстве данного головного убора с девичьими повязками, а не с бабьими кокошниками в русской традиционной культуре.

На таких фотографиях (рис. 16–18) видим схожие костюмы, однако они имеют вариации и, судя по особенностям исполнения кокошника и тканям, принадлежат кормилицам из семей разных сословий и разного достатка. Покрой и фасоны совпадают уже не полно-

стью, – следовательно, заказчики создавали их по своим представлениям и образцам. От изображений на рисунках и гравюрах первой половины века их отличает прежде всего форма кокошника: он стал меньше, скромнее декорирован, формы его разнообразны и более условны, нежели высокие и богатые кокошники первой половины столетия, и украшены они не позументом или золотым шитьем, а речным жемчугом и стеклом.

Рис. 16. Кормилица с ребенком. Санкт-Петербург. Фотография В. Ясвина. Вторая половина 1880-х гг. [Васильев: 118]

Рис. 17. В.Б. Шкловский на руках у кормилицы. Фотография. 1894. Санкт-Петербург

Несмотря на незначительные изменения, костюм кормилиц сохранился вплоть до Первой мировой войны практически без изменений, однако обрел множество вариаций, хотя в целом стал не таким пышным и дорогостоящим, как в первой половине столетия, поскольку возможность содержать кормилиц появилась у представителей разных, а не только высших, социальных слоев.

Рис. 18. Кормилица. Фотооткрытка из серии «Русские типы». 1901

Таким образом, сконструированная «форма» кормилиц (приближенная к традиционным великорусским крестьянским, хотя и праздничным, образцам), не была создана исключительно для комфорта кормящей женщины, так как в повседневной жизни ее могли не носить – в особенности кокошник, надевавшийся «на выход», тем более в конце XIX в. Задача этих костюмных элементов была сугубо символической: визуально обозначить наци-

ональную русскость через элементы прежде всего традиционной великорусской крестьянской одежды. Быть может, гипотеза об официальном происхождении концепции такого наряда и верна, – но это необходимо изучить отдельно. В основу национального костюмного облика в женском варианте были положены образцы великорусского сарафанного комплекса; при этом главным, самым узнаваемым и типичным, атрибутом начиная с первой трети XIX в. был признан кокошник – как родовое обозначение различных типов женских и девичьих головных уборов (прежде всего, но не только северновеликорусского региона). Выбранный для стилизации народный сарафан, как правило, относился лишь по типу, но не по конструктивным особенностям, к косоклинному варианту на лямках с зашитым швом спереди, реже – к «круглому» или московскому, типу, а кокошник демонстрировал условность и вида, и конструкции, лишь напоминая праздничные головные уборы.

Костюм российских кормилиц отражал формирующиеся представления о национальной общности как русской, акцентируя, однако, именно «народную» – «этнографическую» северновеликорусскую, а не историческую составляющую костюмной образности. Визуальное воплощение русскости в ее женской и «народной» ипостаси стало важным элементом и символическим атрибутом русскости, что соотносится также с тенденциями складывания феминных образов-персонификаций России.

Литература

Авдеева, Е. Старинная русская одежда: изменения в ней и моды нового времени // Отечественные записки. 1853. Т. 88. № 6. С. 182–191.

Бархатова, Е.В. Русская светопись. Первый век фотоискусства. 1839–1914. СПб.: Альянс: Лики России, 2009.

Башуцкий, А. Наши, списанные с натуры русскими. Вып. 12. Няня. СПб., 1841.

Башуцкий, А.П. Панорама Санкт-Петербурга. В 3 ч. СПб.: тип. вдовы Плюшара с сыном, 1834. Ч. 3. Ближайшее знакомство с Санкт-Петербургом.

Белова, А.В. Период грудного вскармливания как элемент дворянского родильного обряда в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в. // Смоленский медицинский альманах. 2016. № 4. С. 129–137.

Беловинский, Л.В. Типология русского народного костюма. М.: ВНИИ, 1997.

Богатырев, П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 299–366.

Васильев, А.А. Русская мода. 150 лет в фотографии. 2-е изд. М.: Слово, 2007.

Веременко, В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях во второй половине XIX – начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 18–31.

Вишленкова, Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛО, 2011.

Волшебный фонарь, или Зрелище С.-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистью в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. Ежемесячное издание на 1817 год. Факсимильное изд. / Изд. подгот. Е.И. Осетровым. М.: Книга, 1988.

Готье, Т. Путешествие в Россию / пер. с фр. и комм. Н.В. Шапошниковой, пред. А.Д. Михайлова. М.: Мысль, 1988.

Добужинский, М.В. Воспоминания / изд. подгот., [примеч. сост.] Г.И. Чугунов. М.: Наука, 1987.

Дурылин, С.Н. Из мемуаров «В родном углу» // Няня. Кто нянчил русских гениев / сост. В.Н. Торопова. М.: Редакция «Встреча», 2017. С. 20–91.

Забелин, И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 3 тт. М., 1862–1915. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: тип. Грачева и К°, 1869.

Зимин, И.В. Александровский дворец в Царском селе. Люди и стены. 1796–1917. Повседневная жизнь российского императорского двора. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2015.

Зимин, И.В. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир

императорских резиденций, быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2010.

Зимин, И.В. Царские кормилицы и няни // История Петербурга. 2003. № 1 (11). С. 54–56.

Зимин, И.В., Девятов, С.В. Двор российских императоров. Энциклопедия жизни и быта. В 2 тт. М.: Кучково поле, 2014. Т. 1.

Зими́на Т.А., Шангина И.И. Одежда русских Центрального региона XVII – начала XX веков // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А. Липинская. М.: Наука, 2011. С. 63–96.

Император Николай Первый / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 2002.

Капарулина, О. Альбомы семьи Строгановых и художник Е.И. Есаков // Наше наследие. 2002. № 61. С. 35–38.

Княгиня Софья Николаевна Голицына. Воспоминания // Княгиня С.Н. Голицына, князь А.В. Голицын. Нам не дано предугадать. Правда двух поколений в воспоминаниях матери и сына / Автор пред., эпилога, сост. ряда прим. и прил. Г.С. Голицын. М.: Никая, 2020. С. 11–96.

Кормилицы. История России в фотографиях [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/years-1841-1910/?query=&tag_tree_ids=23255 (дата обращения: 22.06.2023).

Котошихин, Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб.: Археограф. комиссия, 1906.

Красникова, Ю.Н. Кормилицы для императорской семьи // Повседневная жизнь и общественное сознание в России в XIX – XX в.: материалы международной научной конференции. 14–15 марта 2012 г. СПб., 2012. С. 166–170.

Красникова, Ю.Н. Кормилицы как особая социальная группа в Российской империи XIX – начала XX веков // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. С. 134–138.

Кюстин, А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. под ред. В. Мильчиной, комм. В. Мильчиной, А. Осповата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. В 2 т. Т. 1.

Лейкин, Н.А. Мамка-кормилица // Лейкин Н.А. Господа и слуги. Рассказы. СПб.: т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1903. С. 5–105.

Лейкин, Н.А. Под южными небесами. Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Биарриц и Мадрид. 2-е изд. СПб.: т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1899.

Лескинен, М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016.

Мадлевская, Е.Л. Женский головной убор кокошник. Из собрания РЭМ. М.: Бослен, 2022.

Маслова, Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX – нач. XX вв. // Восточнославянский этнографический сбор-

ник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX вв. М.: Наука, 1956. Т. XXXI / отв. ред. С.А. Токарев. С. 543–790.

Мицюк, Н.А., Пушкарева, Н.Л. Внедрение практики самостоятельного грудного вскармливания в высших слоях российского общества XIX века // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2016а. Т. 15. № 4. С. 182–190.

Мицюк, Н.А., Пушкарева, Н.Л. Кормиличный промысел в России в 1850–1917 гг. // Вопросы истории. 2016в. № 3. С. 151–158.

Мицюк, Н.А., Пушкарева, Н.Л., Белова, А.В. Человек рождающий. История родильной культуры в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Мицюк, Н.А. Материнство у дворянок центральной России во второй половине XIX – начале XX века: историко-антропологический и социокультурный аспекты. Дисс. ... докт. ист. н. М., 2016.

Мокрицкий, А.Н. Воспоминания об А.Г. Венецианове и его учениках. 1834–1838 // Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи. Письма. Современники о художнике / сост., вступит. статья и прим. А.В. Корниловой. Ленинград: Искусство, 1980. С. 243–263.

Неизвестный художник. Живопись и скульптура из собрания Русского музея / авт. ст. и науч. ред. Г. Голдовский; авт. аннотаций Л. Вихорева и др. СПб.: ФГБУК «Гос. Русский музей» Palace ed., 2012.

Панаев, И.И. Барышня // Панаев И.И. Собр. соч. В 6 т. М., 1912. Т. 2. Повести, рассказы и очерки. 1840–1844. М., 1912. С. 459–505.

Писемский, А.Ф. Люди сороковых годов // Писемский А.Ф. Собр. соч. В 5 т. / редкол. Г.А. Бялый, М.П. Еремин, С.А. Макашин. М.: Художественная литература, 1982–1984. Т. 4. Люди сороковых годов. М.: Художественная литература, 1983.

Плетнева, А. Между этикой и физиологией: кормилицы в российском обществе XIX – начала XX в. // Государство. Религия. Церковь. В России и за рубежом. 2020b. № 4(38). С. 145–168.

Плетнева, А.А. «Ее сосцы губами теребя...»: кормилица в дореволюционной России // *Diachronie – Ethnos – Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte Festgabe für Anna Kretschmer / Hrsg. von J. Grković-Major, N.B. Korina, S.M. Newerkla, F.B. Poljakov, S.M. Tolstaja.* Brno: Tribun EU, 2020a. С. 143–159.

Рост, Х.И. Деревенской врачевник, или Легкой способ пользоваться недостаточным людям от всяких болезней простыми или домашними вещами, не имея надобности в лекарствах аптекарских. М.: Унив. тип. у В. Окорокова, 1793.

Сургучев, И.Д. Детство императора Николая II. Париж: Возрождение, 1999.

Тарасова, М.С. Антон Осипович Бруни (1762–1825) в усадьбе И.И. Барятинского «Марьино» // Кучумовские чтения. Сб. мате-

риалов научной конференции, посвященной памяти А.М. Кучумова (1913–1994). СПб. – Павловск, 1996. С. 111–119.

Толстая, С.М. Молоко // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2014. Т. 3. К – П. М., 2004a. С. 284–288.

Толстая, С.М. Одежда // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2014. Т. 3. К – П. М., 2004b. С. 523–533.

Толстой, Л.Н. Крейцера соната // Толстой Л.Н. Собр. соч. В 20 т. М.: Гослитиздат, 1960–1965. Т. 12. Повести и рассказы (1885–1902). М.: Гослитиздат, 1964. С. 132–211.

Фюлемиле, А. Монархи в национальной одежде. Создание национального образа при дворах европейских монархов XIX в. // *Теория моды: одежда, тело, культура.* 2017. Вып. 44: весна. С. 29–86.

Хорошилова, О.А. Костюм и мода Российской империи. Эпоха Александра II и Александра III. М.: Этерна, 2015.

Хорошилова, О.А. Костюм и мода Российской империи. Эпоха Николая II. М.: Этерна, 2012.

Цесаревич Алексей // *Медицина и Императорская власть в России. Здоровье Императорской Семьи и медицинское обеспечение первых лиц в России в XIX – начале XX века. По материалам деятельности Придворной медицинской части Министерства Императорского Двора Его Императорского*

Величества. 1 января 1843 г. – 15 июня 1918 г. / под ред. Г.Г. Онищенко. М.: Медиапресс, 2009. С. 255–283.

Шмелев, Ив. Богомолье // Шмелев Ив. Собр. соч. В 5 тт. М., 1998–2000. Т. 4. Богомолье. Романы. Рассказы. М.: Русская книга, 1998. С. 391–520.

В. Няня // Сцены из русского народного быта. Рисованы с натуры И.С. Щедровским. Текст написан В.Н. Савиновым. СПб.: тип. И. Фишона, 1852. С. 9–12.

Baumgartel, K.L., Sneeringer, L., & Cohen, S. (2016). From royal wet nurses to Facebook: the evolution of breastmilk sharing. *Breastfeed Review*, 24(3), 25–32. Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5603296/> (date of access: 12.04.2023).

Hamann, B. (1986). *The reluctant empress: a biography of empress Elisabeth of Austria*. New York : Knopf.

Khoroshilova, O. (2019). The development of a national style in Russian civilian and military dress, 1880s–1910s. *Experiment*, 25, 276–294.

Kuxhausen, A. (2009). The modern miracles of mother's milk: the new science of maternity in Enlightenment Russia. *Ab Imperio*, 3, 94–118.

Maxwell, A. (2014). *Patriots against fashion. Clothing and nationalism in Europe's age of revolutions*. Palgrave Macmillan.

Ribeiro, A. (2002). On Englishness in dress. In Ch. Breward, B. Conekin, & C. Cox. (Eds.), *The Englishness of English dress*. Oxford: Berg, 15–29.

Siles-González, J., Romera-Álvarez, L., Dios-Aguado, M., Ugarte-Gurrutxaga, I., & Gómez-Cantarino, S. (2020). Woman, mother, wet nurse: engine of child health promotion in the Spanish monarchy (1850–1910). *International Journal Environmental Research and Public Health*, 17(23), 9005. Retrieved from: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/23/9005/> (date of access: 20.04.2023).

Sussman, G.D. (1982). *Selling mother's milk: the wet-nursing business in France, 1715–1914*. University of Illinois Press.

Ventura, G. (2014). Breastfeeding, ideology and clothing in nineteenth-century France. In Sh.-R. Marzel, & G.D. Stiebel (Eds.), *Dress and ideology. Fashioning identity from antiquity to the present*. Bloomsbury Academic, 211–229.

Yuval-Davis, N., & Anthias, F. (1989). Introduction. In N. Yuval-Davis, F. Anthias (Eds.), *Woman – Nation – State*. Macmillan, Houndmills, Basingstoke, Hampshire, 1–15.

References

Avdeeva, E. (1853). Starinnaya russkaya odezhda: izmeneniya v nei i mody novogo vremeni [Ancient Russian clothing: changes and fashion of new times], *Otechestvennye Zapiski* [Domestic Notes], 88(6), 182–191.

Barkhatova, E.V. (2009). *Russkaya svetopis'. Pervyi vek fotoiskusstva. 1839–1914* [Russian photography: first century of photographic art. 1839–1914]. Saint Petersburg: Al'yans; Liki Rossii.

Bashutskii, A.P. (1834). *Panorama Sankt-Peterburga* [Panorama of Saint Petersburg] (Vol. 3). Saint Petersburg: Vdova Plyushara s Synom Publ.

Bashutskii, A.P. (1841). *Nashy, spisannye s natury russkimi* [The ours, copied by Russians from the original] (Issue 12). Saint Petersburg.

Baumgartel, K.L., Sneeringer, L., & Cohen, S. (2016). From royal wet nurses to Facebook: the evolution of breastmilk sharing. *Breastfeed Review*, 24(3), 25–32. Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5603296/> (date of access: 12.04.2023).

Belova, A.V. (2016). Period grudnogo vskarmlivaniya kak element dvoryanskogo rodil'nogo obryada v dvoryanskikh sem'yakh v XVIII – seredine XIX v. [The period of breastfeeding as an element of the noble maternity rite in the 18th – middle of the 19th century]. *Smolenskii Meditsinskii Al'manakh* [Smolensk Medical Almanac], 4, 129–137.

Belovinskii, L.V. (1997). *Tipologiya russkogo narodnogo kostyuma* [The typology of Russian folk costume]. Moscow: VNMTS.

Bogatyrev, P.G. (1971). Funktsii natsional'nogo kostyuma v Moravskoi Slovakii [The national costume functions in Moravian Slovakia]. In P.G. Bogatyrev, *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Issues of folk art theory]. Moscow: Iskusstvo, 299–366.

Custine, A. de. (1996). *La Russie en 1839* [Russia in 1839] (Vol. 1) (V. Mil'china, Trans.). Moscow: Sabashnikovy Publ.

Dobuzhinskii, M.V. (1987). *Vospominaniya* [Memoires] (G.I. Chugunov, Ed). Moscow: Nauka.

Durylin, S.N. (2017). Iz memuarov «V rodnom uglu» [Excerpts from memoirs “In the native corner”]. In V.N. Toropova (Ed.), *Nyanya. Kto nyan-chil russkikh geniev* [Nanny. Who nurses Russian geniuses]. Moscow: Redakciya Vstrecha, 20–91.

Filin, M.D. (2002). *Imperator Nikolai Pervyi* [The emperor Nicholas I]. Moscow: Russkii mir.

Fulemile, A. (2017). Monarkhi v natsional'noi odezhde. Sozdanie natsional'nogo obraza pri dvorakh evropeiskikh monarkhov XIX v. [Monarchs in national clothes. Creation of a national image at the European monarchs' courts in the 19th century]. *Teoriya Mody: Odezhda, Telo, Kul'tura* [Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture], 44, 29–86.

Gautier, Th. (1988). *Voyage en Russie* [The travel to Russia] (H.V. Shaposhnikova, Trans.). Moscow: Mysl'.

Goldovskii, G. (Ed.). (2012). *Neizvestnyi khudozhnik. Zhivopis' i skulptura iz sobraniya Russkogo muzeya* [Unknown artist. Painting and sculpture from the Russian Museum collection]. Saint Petersburg: Russian museum.

Hamann, B. (1986). *The reluctant empress: a biography of empress Elisabeth of Austria*. New York: Knopf.

Kaparulina, O. (2002). Al'bomy sem'i Stroganovykh i khudozhnik E.I. Esakov [Stroganovs' family albums and the painter E.I. Esakov], *Nashe Nasledie* [Our Legacy], 61, 35–38.

Khoroshilova, O. (2019). The development of a national style in Russian civilian and military dress, 1880s-1910s. *Experiment*, 25, 276–294.

Khoroshilova, O.A. (2012). *Kostyum i moda Rossiiskoi imperii. Epokha Nikolaya II* [Costume and fashion of the Russian Empire. The era of Nicholas II]. Moscow: Eterna.

Khoroshilova, O.A. (2015). *Kostyum i moda Rossiiskoi imperii. Epokha Aleksandra II i Aleksandra III* [Costume and fashion of the Russian Empire. The era of Aleksandr II and Aleksandr III]. Moscow: Eterna.

Knyaginya Sof'ya Nikolaevna Golitsyna. (2020). *Vospominaniya* [Memoires]. In Knyaginya S.N. Golitsyna, & Knyaz' A.V. Golitsyn, *Nam ne dano predugadat'. Pravda dvukh pokolenii v vospominaniyakh materi i syna* [We cannot predict. The truth of two generations in the memories of a mother and son] (G.S. Golitsyn, Ed.). Moscow: Nikeya, 11–96.

Kormilitsy [The wet nurses]. (n.d.). *Istoriya Rossii v fotografiyakh* [Russian history in photographs]. Retrieved from: https://russiainphoto.ru/search/years-1841-1910/?query=&tag_tree_ids=23255 (date of access: 22 June 2023).

Kotoshikhin, G. (1906). *O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha* [About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich] (4th ed.). Saint Petersburg: Arkheographicheskaya Komissiya.

Krasnikova, Yu.N. (2012). *Kormilitsy dlya imperatorskoi sem'i* [Wet nurses for the imperial family]. *Povsednevnyaya zhizn' i obshchestvennoe soznanie v Rossii v XIX – XX v.* [Everyday life and

public consciousness in Russia in the 19th – 20th centuries]. Saint Petersburg, 166–170.

Krasnikova, Yu.N. (2015). *Kormilitsy kak osobaya sotsial'naya gruppa v Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX vekov* [Wet nurses as a special social group in the Russian Empire of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta* [Bulletin of Saint Petersburg State Agrarian University], 134–138.

Kuxhausen, A. (2009). The modern miracles of mother's milk: the new science of maternity in Enlightenment Russia. *Ab Imperio*, 3, 94–118.

Leikin, N.A. (1899). *Pod yuzhnyimi nebesami. Yumoristicheskoe opisanie poezdki suprugov Nikolaya Ivanovicha i Glafiry Semyonovny Ivanovnykh v Biarrits i Madrid* [Under the southern skies. A humorous description of the spouses Nikolai Ivanovich and Glafira Semyonovna Ivanovs' trip to Biarritz and Madrid] (2nd ed.). Saint Petersburg: Pechatnya S.P. Yakovleva.

Leikin, N.A. (1903). *Mamka-kormilitsa* [Mother-wet nurse]. In N.A. Leikin, *Gospoda i slugi. Rasskazy* [Lords and servants. Stories]. Saint Petersburg: Pechatnya S.P. Yakovleva, 5–105.

Leskinen, M.V. (2016). *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX* [Velikoross / velikorus. Great Russians. From the history of ethnicities construction. XIX cent.]. Moscow: Indrik.

Madlevskaya, E.L. (2022). *Zhenskii golovnoi ubor kokoshnik. Iz sobraniya REM* [Women's headdress kokoshnik. From the collection of

Russian Museum of Ethnography]. Moscow: Boslen.

Maslova, G.S. (1956). Narodnaya odezhda russkikh, ukrainsev, belorusov v XIX – nach. XX vv. [Folk clothing of Russians, Ukrainians, Belorussians in the XIX – beginning of the XX century], In S.A. Tokarev (Ed.), *Vostochnoslavyanskii etnograficheskii sbornik. Ocherki narodnoi material'noi kul'tury russkikh, ukrainsev i belorusov v XIX – nach. XX vv.* [East Slavic ethnographic collection. Essays on the folk material culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX – beginning of the XX century] (Vol. XXXI). Moscow: Nauka, 543–790.

Maxwell, A. (2014). *Patriots against fashion. Clothing and nationalism in Europe's age of revolutions.* Palgrave Macmillan.

Mitsyuk, N.A. (2016). *Materinstvo u dvoryanok tsentral'noi Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: istoriko-antropologicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty* [Motherhood of noblewomen in the central Russia in half of XIX – XX centuries: historical, anthropological and sociocultural aspects] (Doctoral Dissertation, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow).

Mitsyuk, N.A., & Pushkareva N.L. (2016a). Vnedrenie praktiki samostoyatel'nogo grudnogo vskarmlivaniya v vysshikh sloyakh rossiiskogo obshchestva XIX veka [Introduction of independent practice of breastfeeding in the higher strata of the Russian society in the XIX century]. *Vestnik Smolenskoii Gosudarstvennoii*

Meditsinskoi Akademii [Herald of Smolensk State Medical Academy], 15(4), 182–190.

Mitsyuk, N.A., & Pushkareva N.L. (2016b). Kormilichnyi promysel v Rossii v 1850–1917 gg. [Wet-nursing industry in Russia in 1850–1917]. *Voprosy Istorii* [Questions of History], 3, 151–158.

Mitsyuk, N.A., Pushkareva N.L., & Belova A.V. (2022). *Chelovek rozhdayushchii. Istoriya rodil'noi kul'tury v Rossii Novogo vremeni* [A person giving birth. History of maternity culture in modern Russia]. Moscow: NLO.

Mokritskii, A.N. (1980). Vospominaniya ob A.G. Venetsianove i ego uchenikakh. 1834–1838 [Memories of A.G. Venetsianov and his students. 1834–1838]. In A.V. Kornolova (Ed.), *Aleksei Gavrilovich Venetsianov. Stat'i. Pis'ma. Sovremenniki o khudozhnike* [Aleksei Gavrilovich Venetsianov. Articles. Letters. Contemporaries about the artist]. Leningrad: Iskusstvo, 243–263.

Onishchenko, G.G. (Ed.). (2009). Tsesarevich Aleksei [Tsar's heir Alexey]. *Meditsina i Imperatorskaya vlast' v Rossii. Zdorov'e Imperatorskoi Sem'i i meditsinskoe obespechenie pervykh lits v Rossii v XIX – nachale KhKh veka. Po materialam deyatelnosti Pridvornoii meditsinskoi chasti Ministerstva Imperatorskogo Dvora Ego Imperatorskogo Velichestva. 1 yanvarya 1843 g. – 15 iyunya 1918 g.* [Medicine and Imperial power in Russia. Health of the Imperial family and medical care of top officials in Russia in the 19th – early 20th cent. Based on materials from the activities of the Medical Unit Court of the

Ministry of the Imperial Court of His Imperial Majesty. January 1, 1843 – June 15, 1918]. Moscow: Mediapress, 255–283.

Osetrov, E.I. (Ed.). (1988). *Volshebnyi fonar', ili Zrelishche S.-Peterburgskikh raskhozhikh prodavtsov, masterov i drugikh prostonarodnykh promyshlennikov, izobrazhennykh vernoyu kistiuyu v nastoyashchem ikh naryade i predstavlennykh razgovarivayushchimi drug s drugom, sootvetstvenno kazhdomu litsu i zvaniyu* [Magic lantern, or the images of different sellers, craftsmen, and other working commoners of St Petersburg portrayed by true brush in their present attire and shown talking to each other accordingly to their ranks]. Moscow: Kniga.

Panaev, I.I. (1912). *Baryshnya* [Young lady] (Vol. 2). Moscow, 459–505.

Pisemskii, A.F. (1983). *Lyudi sorokovykh godov* [People of the forties] (Vol. 4). Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Pletneva, A. (2020b). Mezhdru etikoi i fiziologii: kormilitsy v rossiiskom obshchestve XIX – nachala XX v. [Between ethics and physiology: wet nurses in the Russian society of the late 19th – early 20th cent.] *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov'. V Rossii i za rubezhom*. [State. Religion. Church. In Russia and abroad], 4(38), 145–168.

Pletneva, A.A. (2020a). «Ee sostsy gubami terebya...»: kormilitsa v dorevolutsionnoi Rossii [“Tugging her nipples by lips...”. A wet nurse in pre-revolutionary Russia]. In J. Grković-Major, N.B. Korina, S.M. Newerkla, F.B. Poljakov, & S.M.

Tolstaja (Eds.), *Diachronie – Ethnos – Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte Festgabe fur Anna Kretschmer* [“Diachrony - Ethnos - Tradition: Studies on Slavic linguistic history Commendation for Anna Kretschmer]. Brno: Tribun EU, 143–159.

Ribeiro, A. (2002). On Englishness in dress. In Ch. Breward, B. Conekin, & C. Cox. (Eds.), *The Englishness of English dress*. Oxford: Berg, 15–29.

Rost, Kh.I. (1793). *Derevenskoi vrachebnik, ili Legkoi sposob pol'zovat'sya nedostatochnym lyudyam ot vsyakh boleznei prostymi ili domashnimi veshchami, ne imeya nadobnosti v lekarstvakh aptekarskikh* [The village physician, or an easy way to use simple or homemade things for people in need of all diseases, without the need for pharmacy medicines]. Moscow: V. Okorokov Publ.

Savinov, V.N., & Shchedrovsky, I.S. (1852). V. Nyanya [V. Nanny]. In V.N. Savinov, & I.S. Shchedrovsky, *Stseny iz russkogo narodnogo byta* [Scenes from Russian folk life]. Saint Petersburg: I. Fishon, 9–12.

Shmelev, I. (1998). Bogomole [Pilgrimage]. In I. Shmelev, *Bogomole. Romany. Rasskazy* [Pilgrimage. Novels. Stories] (Vol. 4). Moscow: Russkaya Kniga, 391–520.

Siles-González, J., Romera-Álvarez, L., Dios-Aguado, M., Ugarte-Gurrutxaga, I., & Gómez-Cantarino, S. (2020). Woman, mother, wet nurse: engine of child health promotion in the Spanish monarchy (1850–1910). *International*

Journal Environmental Research and Public Health, 17(23), 9005. Retrieved from: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/23/9005/> (date of access: 20.04.2023).

Surguchev, I.D. (1999). *Detstvo imperatora Nikolaya II* [The childhood of Emperor Nicholas II]. Paris: Vozrozhdenie

Sussman, G.D. (1982). *Selling mother's milk: the wet-nursing business in France, 1715–1914*. University of Illinois Press.

Tarasova, M.S. (1996). Anton Osipovich Bruni (1762–1825) v usad'be I.I. Baryatinskogo «Mar'ino» [Anton Osipovich Bruni (1762–1825) in the I.I. Baryatinsky's estate "Maryino"]. *Kuchumovskie chteniya. Sbornik materialov nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati A.M. Kuchumova (1913–1994)* [Kuchumov's readings. Collected materials of a scientific conference dedicated to A.M. Kuchumov's memory (1913–1994)]. St. Petersburg–Pavlovsk, 111–119.

Tolstaya, S.M. (2004a). Moloko [Milk]. In N.I. Tolstoy (Ed.), *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities. The ethnolinguistic dictionary] (Vol. 3), 284–288.

Tolstaya, S.M. (2004b). Odezhda [Clothing]. In N.I. Tolstoy (Ed.), *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities. The ethnolinguistic dictionary] (Vol. 3), 523–533.

Tolstoi, L.N. (1964). Kreitserova sonata [Kreutzer sonata]. In L.N. Tolstoi, *Povesti i rasskazy (1885–1902)* [Novels and stories (1885–1902)]. Moscow: Goslitizdat, 132–211.

Vasil'ev, A.A. (2007). *Russkaya moda. 150 let v fotografii* [The Russian fashion. 150 years in photography] (2nd ed.). Moscow: Slovo.

Ventura, G. (2014). Breastfeeding, ideology and clothing in nineteenth-century France. In Sh.-R. Marzel, & G.D. Stiebel (Eds.), *Dress and ideology. Fashioning identity from antiquity to the present*. Bloomsbury Academic, 211–229.

Veremenko, V.A. (2012). Ukhod za det'mi rannego vozrasta v dvoryanskikh sem'yakh vo vtoroi polovine XIX – nachala XX v. [Care for children of early age in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Im. A.S. Pushkina* [Herald of Pushkin Leningrad State University], 4(3), 18–31.

Vishlenkova, E.A. (2011). *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu»* [Visual ethnology of the Russian Empire or «Not everyone is able to see the Russian»]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Yuval-Davis, N., & Anthias, F. (1989). Introduction. In N. Yuval-Davis, F. Anthias (Eds.), *Woman – Nation – State*. Macmillan, Houndmills, Basingstoke, Hampshire, 1–15.

Zabelin, I.E. (1869). *Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh* [Domesticity of Russian Tsarinas in the 16th and 17th centuries] (Vol. 2). Moscow: Grachev & Co Publ.

Zimin, I.V. (2003). Tsarskie kormilitsy i nyani [Tsar's nurses and nannies]. *Istoriya Peterburga* [History of Petersburg], 1 (11), 54–56.

Zimin, I.V. (2010). *Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo imperatorskogo dvora. Detskii mir imperatorskikh rezidentsii, byt monarkhov i ikh okruzhenie* [Everyday life of the Russian Imperial Court. The children's world of imperial residences, the life of monarchs and their environment]. Moscow: Tsentrpoligraf; St. Petersburg: MiM-Del'ta.

Zimin, I.V. (2015). *Aleksandrovskii dvorets v Tsarskom sele. Lyudi i steny. 1796-1917. Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo imperatorskogo dvora* [Alexander Palace in Tsarskoe Selo. People and walls. 1796-1917. Everyday life of the Russian Imperial Court]. Moscow: Tsentrpoligraf; Saint Petersburg: Russkaya troika.

Zimin, I.V., & Devyatov, S.V. (2014). *Dvor rossiiskikh imperatorov. Entsiklopediya zhizni i byta* [Courtyard of the Russian Emperors. Encyclopedia of everyday life] (Vol. 1). Moscow: Kuchkovo pole.

Zimina, T.A., & Shangina, I.I. (2011). Odezhda russkikh Tsentral'nogo regiona XVII – nachala XX vekov [Russian clothes of the Central region in the 17th – early 20th cent.]. In V.A. Lipinskaya (Ed.), *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russian folk clothing. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Nauka, 63–96.

Для цитирования: Лескинен, М.В. «Бабий мундир»: русский наряд кормилиц в контексте создания национального образа // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 2. С. 20–61. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-2-20-61

For citation: Leskinen, M.V. (2024). Peasant woman's in "official uniform": Russian wet nurse's dress in national image creating. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (2), 20–61. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-2-20-61

**PEASANT WOMAN’S “OFFICIAL UNIFORM”:
RUSSIAN WET NURSE’S DRESS IN NATIONAL IMAGE CREATING**

Maria V. Leskinen, Dr. Hab., Leader Research Fellow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: marles70@mail.ru

Abstract. The article examines the features and elements of the wet nurses’ costume as of a “professional” group in the Russian Empire in the 19th – beginning of 20th centuries. The costume is reconstructed on the visual, narrative and literary sources. The wet nurse’s dress was created from basic elements of the Great Russian peasant women’s costume of the central and the Russian North regions, representing the image of typical Russian traditional clothing – in forms approved by upper strata of the society. There has not been an unambiguous and well-reasoned explanation of origins and reasons for the construction of this conventionally Russian attire (existing hypotheses are illuminated). One of the assumptions connects the origin of the costume with Emperor’ children wet nurses’ uniform. It was created as a stylized and richly decorated outfit, which involved some elements of the Great Russian’s “sarafan complex”, but was not a copy of the authentic peasant attire of any Great Russian region. The article shows that the creation of a conventionally “folk” outfit for wet nurses (not only for royal / emperor children) took place in European countries during the period of nation-building, being a stage of the process of national identification, including in the field of costume imagery. It was an element of national clothing construct, based on the folk costume in order to emphasize the roots and traditions of the national monarchies. The same trends are also noted in the design of other types of uniforms, which had been made by the initiative the Imperial / Royal courts of Europe (in particular, court and military uniforms). The “uniform” of wet nurses can be studied as an example of the “invention of tradition” in the sphere of official nationalism.

Key words: Russian Empire, Russianness, national clothing, wet nurses, national identity, visualization of Russianness

